

Восприятие и наблюдение в сильной программе социологии научного знания: социологизм, психологизм, междисциплинарность

Кузнецов Андрей Геннадиевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник. Центр исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге. Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1 А. Аналитик. Центр научной коммуникации Университета ИТМО. Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, д. 49; e-mail: akuznetsov@eu.spb.ru

В статье исследуется связь традиции эмпиризма и сильной программы социологии научного знания (Д. Блур, Б. Барнс, Дж. Хенри) на примере концепций восприятия и наблюдения в науке. Игнорирование этой связи обрекает попытки обновить исследовательскую повестку социологии знания на неудачу. В статье реконструируются аргументы эмпиристского ядра сильной программы – концепции наблюдения и восприятия в науке. В результате этой реконструкции автор пришел к следующим выводам. Во-первых, к четырем методологическим принципам сильной программы можно добавить четыре эмпиристских императива ее социальной теории знания. Эти императивы включают в себя: тезис об относительной автономии и стабильности чувственного восприятия; ограничение тезиса о теоретической нагруженности восприятий; недодетерминированность знания опытом и наблюдением; сочетание принципов корреспонденции и когерентности. Во-вторых, специфицируются отношения сильной программы с внутренне дифференцированной традицией эмпиризма. Если классический эмпиризм Бэкона и логический эмпиризм в сильной программе критикуются, то новый эмпиризм, выраженный в сетевой модели науки М. Хессе, используется в качестве ключевого ресурса для обновления социологии научного знания. Социальная теория знания сильной программы выстроена вокруг проблем нового эмпиризма и использует философию науки Хессе в качестве своей модели. В-третьих, несмотря на кажущуюся очевидную дисциплинарную идентификацию, эта эмпиристская социология научного знания избегает позиций социологизма и психологизма и содержит в себе междисциплинарные тенденции. Общий вывод статьи состоит в том, что на карту социологии знания, помимо мангеймовской и витгенштейновской традиций, следует нанести еще одну – эмпиристскую, воплощение которой – сильная программа.

Ключевые слова: эмпиристская социология знания, сильная программа социологии научного знания, исследования науки и технологий, социология знания, Дэвид Блур, Мэри Хессе, восприятие, наблюдение, междисциплинарность, социологизм

PERCEPTION AND OBSERVATION IN THE STRONG PROGRAM IN THE SOCIOLOGY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: SOCIOLOGISM, PSYCHOLOGISM, INTERDISCIPLINARITY

Andrei G. Kuznetsov – PhD in Sociology, Research Fellow, Centre for Science and Technology Studies (STS-Centre), European University at Saint-Petersburg, 6/1 A Gagarinskaya St., 191187, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: akuznetsov@eu.spb.ru

The article analyzes a connection between empiricism and the Strong Program in the Sociology of Scientific Knowledge (D. Bloor, B. Barnes, J. Henry). I use Strong Program's theories of perception and observation in science as cases to demonstrate this link. The main points of my argument are the following. First, characteristic problems of the empiricist tradition are at the focus of the Strong Program. Second, relations between the Strong Program and empiricist tradition are complex. While proponents of the Strong Program criticize classical empiricism of Bacon and logical empiricism, they employ new empiricism of Mary Hesse's network model as a crucial theoretical resource for their social theory of knowledge. Third, The Strong Program uses Hesse's theory as a model for the renewal of the sociology of (scientific) knowledge. A key point of the analysis is that it is reasonable to add to the Mannheimian and Wittgensteinian traditions in the sociology of knowledge another empiricist one as exemplified in the Strong Program. I conclude the article by stressing interdisciplinary tendencies in this empiricist sociology of scientific knowledge.

Keywords: Empiricist Sociology of Knowledge, Strong Program in the Sociology of Scientific Knowledge, Science and Technology Studies, Sociology of Knowledge, David Bloor, Mary Hesse, perception, observation, interdisciplinarity, sociologism

Введение: невнимание к эмпиризму в социологии знания

Существует ли эмпирическая социология знания? Я полагаю, что большинство социологов ответят «нет». В перспективе эпистемологии и философии науки может казаться иначе, но эмпиризм всегда был маргинален в социологии знания и науки. В центре эмпиризма стоит вопрос о роли наблюдения и чувственного восприятия в процессе получения знания. Но социологические подходы к изучению знания и науки обычно нивелируют значимость восприятия. Традиционная социология знания склонна утверждать, что восприятие структурировано или контролируется языком и теорией [Манхейм, 1994; Mills, 1963; Merton, 1937; Phillips, 1974]. С подъемом постпозитивизма и тезиса о теоретической нагруженности наблюдений эта антиэмпирическая тенденция усилилась. В социологии науки как социальные конструктивисты [Rudwick, 1974], так и функционалисты [Barber, Fox, 1958] стали рассматривать случаи невосприятия как

подтверждение общего тезиса о ненадежности восприятия и его полной зависимости от социальных факторов. На этом фоне сильная программа социологии научного знания предстает самобытным подходом, который реабилитирует восприятие и предлагает оригинальную концепцию наблюдения в науке.

Игнорирование эмпиристского измерения сильной программы подрывает попытки обновления и развития поля социологии (научного) знания. Приведу пример одной такой попытки. Дик Пелс [Pels, 1996] рассматривает социологию знания конца XX в. как структурированную вокруг разлома между мангеймовской и витгенштейновской традициями. К первой он относит американских социологов – Ч.Р. Миллса, А. Гоулднера, Л. Козера, Э. Шилза, К. Вольфа, а также ключевых комментаторов-ревизионистов наследия Мангейма в Европе – Ф. Мею, Д. Кеттлера, Н. Штера. Ко второй – Т. Куна и различных представителей исследований наук и технологий – Д. Блур, Б. Барнса, Г. Коллинза, С. Вулгара, М. Линча и даже Б. Латура. По Пелсу, радикальные интерпретации позднего Витгенштейна дали толчок развитию социологии знания в 1970-х гг. и вылились в формирование междисциплинарной области – исследования наук и технологий (STS). Пелс признает достижения STS, но считает, что разлом между мангеймовской и витгенштейновской традициями тормозит развитие социологии знания. Мангеймовская традиция избегает детальных эмпирических исследований науки, а витгенштейновская пренебрегает макроинституциональными условиями производства научного знания и нормативными вопросами [Ibid., pp. 33–34]. Пелс предлагает преодолеть разлом путем обновления витгенштейновской традиции через обращение к новой, более корректной реконструкции социологии знания Мангейма. «Недостатки [витгенштейновской традиции] могут быть устранены путем содействия (частичному и осторожному) переходу к более обширной и нормативно-чувствительной мангеймианской исследовательской повестке. Это потребует возврата от дважды ограниченной *социологии науки* к более широко понимаемой *социальной теории знания* или *социальной эпистемологии*» [Ibid., p. 34].

Попытка Пелса похвальна, но, к сожалению, тщетна. Он делает лишь половину работы, необходимой для такой миротворческой миссии. Он убедительно реконструирует концептуальную архитектуру социологии знания Мангейма. Под этим я понимаю реверс-инжиниринг по «планам» и «чертежам» текстов Мангейма сооружений его социологии знания, которые во многом были превращены в «руины» в ходе различных полемик. Глядя на эти «руины», Д. Блур упрекнул социологию знания Мангейма в слабости и предложил сильную программу как альтернативу [Bloor, 1991 [1976], p. 4]. Но по другую сторону разлома Пелс симметричной реконструкции не делает. Под «крышей» витгенштейновской традиции оказываются очень

разные социологии знания и науки, об устройстве которых он сказать ничего не может. Если Пелсу удастся восстановить для нас цели, ставки и потребности социологии знания Мангейма, то он почему-то не считает нужным сделать это для подходов, сваленных им в кучу так называемой витгенштейновской традиции. Он, очевидно, хотел выступить дипломатом между двумя отчужденными лагерями, но вряд ли эта инициатива может быть успешной при таком отношении к одной из сторон.

В этой статье я проведу часть подготовительной работы, необходимой для инициативы Пелса (и ей подобных), нацеленной на создание условий для дальнейшего развития социологии знания и науки. Я реконструирую концептуальное устройство сильной программы в социологии знания (Д. Блур, Б. Барнс, Дж. Хенри), которую Пелс ошибочно относит к витгенштейновской социологии знания. В результате этой реконструкции я покажу, что сильная программа – это выражение третьей, эмпиристской традиции в социологии знания. Для этого я: 1) выявлю устойчивые связи между эмпиризмом и сильной программой; 2) реконструирую концепции наблюдения и восприятия в ранней и зрелой версиях сильной программы [Bloor, 1991 [1976]; Barnes, Bloor, Henry, 1996]; 3) специфицирую версию эмпиризма, на которую опирается сильная программа; 4) обрисую междисциплинарные тенденции в сильной программе.

Проводимая здесь реконструкция относится не к истории, а к систематике и кодификации исследований наук и технологий¹. Выявляется структура и квазиграмматика аргументов сильной программы на примере ее теорий восприятия и наблюдения в науке. Это необходимое условие для понимания структуры проблем исследовательского поля, (не)продуктивности споров и оценки (не)успешности усилий навести мосты между оппонентами для последующего развития области. Реконструкция сильной программы требует отдельного усилия именно потому, что важность ее эмпирического измерения, как показывает пример Пелса, систематически ускользает от внимания социологов науки и знания.

Сильная программа и эмпиризм

В 1980–1990-х гг. вокруг сильной программы развернулась полемика, в которой к ней приклеили ярлыки «релятивизма» и «социального конструктивизма». Но в пылу споров роль эмпиризма в конструкции

¹ Это не значит, что результаты такой реконструкции не могут быть использованы для разработки исторического аргумента и что для нее не могут быть использованы исторические материалы.

сильной программы была руинирована. Я начну реконструкцию этой роли с каталогизации признаков важности эмпиризма для сильной программы.

Заглянем в программу курса по социальным аспектам науки и технологий [Bloor, 1975a], который в Центре исследований науки Университета Эдинбурга – институциональной колыбели сильной программы – читали для бакалавров начиная с 1967 г. Из двадцати четырех тем курса половина посвящена изучению эмпиристского анализа науки. В списке для чтения преобладают эмпиристы: Э. Мах, Дж.С. Милль, Д. Юм и др. Преамбула курса сообщает, что большая часть тем касается вопросов, поднятых Т. Куном в «Структуре научных революций». Студентам рекомендуется купить книгу как базовую для курса. В самой программе говорится, что теория Куна включает в себя элементы антиэмпиризма, и анонсируется, что в лекции будет сделан акцент на том, «насколько странными следует считать некоторые вещи, о которых говорит Кун (хотя это само по себе не означает, что их следует отвергать)» [Ibid., p. 511]. Такой анонс и последующие четыре темы, посвященные критике и спорам вокруг Куна, говорят, что курс в целом не следует считать апологией антиэмпиризма.

О важности эмпиризма говорят ключевые работы лидера сильной программы – Дэвида Блура. Откроем книгу «Знание и социальная изменчивость». В ее первой главе формулируются знаменитые четыре принципа сильной программы, образующие логическую иерархию. Принцип каузальности – это необходимое условие принципа беспристрастности, который есть необходимое условие принципов симметрии и рефлексивности. Иерархическая сложность принципов позволяет определить степень близости/удаленности сильной программы от других методологических позиций. Сильной программе наиболее близок классический эмпиризм, который разделяет два из четырех ее принципов [Bloor, 1991 [1976]]. Вторая глава посвящена обновлению социологии знания с помощью интуиций эмпиризма [Ibid., p. 24]. В пятой главе Блур строит свою социологию математики с опорой на эмпиризм Дж.С. Милля. Он признает справедливость критики Г. Фреге в адрес Милля, но все же ищет способ нейтрализовать ее через социологическое расширение психологического подхода британского эмпириста [Ibid., pp. 84–107]. Обе книги Блура о Л. Витгенштейне – это попытки дать эмпиристскую интерпретацию наследию данного философа [Bloor, 1983; Bloor, 1997]. По Блуру, в философии математики позднего Витгенштейна «эмпиризм Милля сочетается с теорией сакрального Дюркгейма» [Bloor, 1987, p. 354]. Это позволяет понять и то, почему эти интерпретации не устроили почти никого, и то, почему во второй книге так много места уделено Юму. Наконец, еще одна важная работа дает эмпиристское прочтение и расширение тезиса Дюркгейма – Мосса о социальном генезисе логических категорий на основе сетевой модели науки Мэри Хессе [Bloor, 1982].

Итак, эмпиризм конститутивен для сильной программы. Но это систематически игнорируют ее критики и комментаторы. Это невнимание – одна из причин того, почему большая часть споров вокруг сильной программы зашла в тупик. Критики игнорируют эмпиристское ядро сильной программы и упрекают ее в антиэмпиристском радикализме, который ей несвойственен. Странники подхода в ответ на это просто воспроизводят исходные аргументы на новый лад. Ядром эмпиризма в сильной программе считают тезис о наличии стабильного перцептивного мира [Bloor, 1975b, p. 386]. С этим тезисом непосредственно связаны теории наблюдения и восприятия в сильной программе. Далее я рассмотрю их подробнее. Чтобы показать устойчивость связи между эмпиризмом и сильной программой, я выбрал для анализа две ключевые работы: классическую формулировку сильной программы Блуrom [Bloor, 1991 [1976]] и ее более зрелую версию – коллективную монографию, подытоживающую двадцатилетнее развитие подхода [Barnes, Bloor, Henry, 1996].

Социальная теория знания сильной программы: обновление социологии знания с помощью эмпиризма

Игнорирование эмпиристского измерения сильной программы связано с тем, что обычно обсуждение подхода вращается вокруг четырех методологических принципов. При этом упускают, что эти принципы – лишь первая, *негативная* часть сильной программы. Каждый принцип – это возражение на типичные аргументы против социологии знания вообще и ее применения к научному знанию в частности. Методология сильной программы избавляет социологию научного знания от препятствий и ошибочных посылок, но ничего не говорит о том, как понимать (научное) знание. Вторая, *позитивная* часть сильной программы – это социальная теория знания.

Потенциал эмпиризма для обновления социологии научного знания

Разрабатывая эту теорию, Блур ставит вопрос: каковы потенциал и ограничения эмпиризма в обновлении социологии научного знания? В него входят два подвопроса: а) о теоретической интерпретации случаев ошибочного восприятия или *невосприятия* (*misperception*) в науке; б) о надежности чувственного восприятия. Рассмотрим их по порядку.

Как теоретически интерпретировать (не)восприятие? Случаи невосприятия привлекли внимание социологов, т.к. позволяли продемонстрировать действие социальных факторов в науке. Но, по Блуру, ставить невосприятие в центр социологии знания – ошибка, т.к. тогда она не согласуется с эмпиризмом. Случаи невосприятия относительно редки на фоне стабильного, надежного и воспроизводимого эмпирического базиса науки. Поэтому социология научного знания должна соблюдать принцип беспристрастности и исследовать случаи восприятия и невосприятия в науке в равной мере.

Блур критикует *функционалистские* [Barber, Fox, 1958] и *социально-конструктивистские* [Rudwick, 1974] интерпретации невосприятия как ошибочные. Для функционалистов невосприятие – патологический феномен, от которого непременно следует избавиться. По Блуру, интерпретация невосприятия должна согласовываться с тем, как Дюркгейм интерпретирует преступления. Попытки избавиться от преступлений вообще подавляют силы, способствующие разнообразию и индивидуальности. Вопрос не в том, иметь ли преступления в обществе или нет, а в том, какие преступления мы хотим иметь. Преступление как феномен необходимо, постоянно и неизбежно. Так же и «невосприятие... неизбежно... и не может быть неограниченно редуцировано» [Bloog, 1991 [1976], p. 27]. Речь должна идти не о выборе между совершенным восприятием и невосприятием, а о различных паттернах невосприятия и компромиссах между ними.

Социально-конструктивистская интерпретация, по Блуру, неоправданно экстраполирует данные о феномене невосприятия и имеет ряд недостатков. Во-первых, она скорее демонстрирует слабость и ненадежность *психологической способности памяти*, а не *восприятия*. Восприятие надежно, а память и опирающаяся на нее экспериментальный дизайн – нет. Во-вторых, соблюдая все методологические предосторожности (стандартизация, контрольные группы и т.д.) при разработке экспериментального дизайна, можно достичь ситуации, в которой данные чувственного восприятия будут единообразными для разных людей и не будут зависеть от теорий [Ibid., p. 28]. Но когда определение сигнала находится на границе восприятия разницы между сигналом и шумом, наблюдение оказывается во власти ожиданий и надежд, а «ожидаемые социальные последствия... становятся решающими переменными» [Ibid., p. 29].

Надежно ли чувственное восприятие? Ответ Блура включает в себя два тезиса.

1. Тезис о теоретической нагруженности наблюдений показывает не то, что чувственное восприятие в принципе ненадежно, а что некоторая доля невосприятия неизбежна. Некоторая доля (не)восприятия – прямое следствие процессов, содействующих научному исследованию. (Не)восприятие нормально и функционально для науки [Ibid., p. 26].

2. Эмпиристский здравый смысл показывает, что у науки есть процедурные нормы для хороших экспериментов и многие случаи невосприятости – это случаи нарушения этих норм. Отсюда *тезис о теоретической нагруженности наблюдений и эмпиризм* не противоречат друг другу. Потенциал эмпиризма для социологии научного знания определяется возможностью согласовать ее с идеей стабильного эмпирического базиса науки. «Ценная догадка эмпиризма состоит в его утверждении, что наша физиология гарантирует, что некоторые наши отклики на наше материальное окружение носят общий характер и постоянны. Такие отклики называются восприятиями. Правдоподобно думать о том, что культурная изменчивость накладывается на слой биологически стабильных чувственных способностей» [Bloor, 1991 [1976], p. 31].

Преодоление ограничений эмпиризма в социальной теории знания

Но проблема в том, что в классическом эмпиризме а-ля Бэкон знание конституируется исключительно опытом. Эта теория знания асимметрична и индивидуалистична. Поэтому Блуру нужна социальная теория знания, в которой тезис об относительной стабильности способности восприятия не противоречил бы точке зрения, что данные восприятия сами по себе не могут конституировать знание. Задачу согласования эмпиристского тезиса о стабильном перцептивном мире и аргумента об опыте как необходимом, но недостаточном компоненте знания решает аналогия между изменением системы убеждений и параллелограммом сил. Одна действующая сила в нем – это предшествующее социально опосредованное убеждение, а другая – опыт. Результирующая сила, т.е. сложение двух сил, конституирует новое убеждение. Всякое знание – комбинация старых убеждений и нового опыта. Опыт влияет на результирующее убеждение, но не детерминирует его исключительно.

Теперь у нас нет сомнения в конститутивности эмпиризма для сильной программы. Но эмпиризм – это внутренне дифференцированная традиция. Какая версия эмпиризма служит Блуру ресурсом для обновления социологии знания? В другой работе я показал, что этим ресурсом стал новый эмпиризм Хессе [Кузнецов, 2020]. Это подтверждается *биографическими* [Briatte, 2007], *образовательными* [Bloor, 1975a] и *текстуальными* данными [Кузнецов, 2020, с. 110]. Вот основные выводы этого исследования: 1. Вопреки распространенному представлению сильная программа – это радикализация сетевой модели Хессе, а не теории Куна. Сетевая модель определяет *общую* концептуальную архитектуру сильной программы. Теории Витгенштейна, Дюркгейма и М. Дуглас важны, но играют в сильной

программе роль *частных* моделей, которым дается эмпиристское расширение. Блур избирательно использует только те элементы теорий Витгенштейна и Дюркгейма, которые можно согласовать с новым эмпиризмом Хессе. 2. Радикализация сетевой модели состоит в ее резком обобщении: у Хессе – это модель обучения (научному) языку, у Блура – модель обучения вообще. Для Блура сетевая модель описывает процесс обучения и внутри, и за пределами науки. Она подходит для анализа взаимодействий, пересекающих эти границы. 3. Радикализации сопутствует реинтерпретация. Хессе критикует «старый» логический эмпиризм и предлагает вместо него «новый», опирающийся на П. Дюгема и У.В.О. Куайна. Но она, как и логические эмпиристы, продолжает говорить о языке науки. Блур же трактует сетевую модель в терминах психологических способностей восприятия и мышления, чтобы согласовать ее с еще более старой традицией эмпиризма Милля, Юма, Маха, в которой «философы обращались к внутренним механизмам человеческого сознания и... пытались построить спекулятивные, но реалистические психологические модели» [Bloor, 1975b, p. 395]. В сильной программе сетевая модель становится эмпиристской психологической теорией. «Версия эмпиризма, инкорпорированная здесь в социологию знания, в действительности является психологической теорией. Она говорит, что наши способности восприятия и мышления – это две разные вещи, и что наши восприятия влияют на наше мышление больше, чем наше мышление на наши восприятия. Эта форма эмпиризма обладает биологическим и эволюционным смыслом, но она столь же презираема современными эмпиристами, сколь и современными критиками эмпиризма» [Bloor, 1991 [1976], p. 33].

Сетевая модель – это попытка Хессе найти средний путь между *логическим эмпиризмом* (К.Г. Гемпель, П. Оппенгейм) и *постпозитивизмом* или историческим релятивизмом (Т. Кун, П. Фейерабенд) [Hesse, 1974, p. 4]. В противовес «старому» логическому эмпиризму Хессе утверждает, что не существует непогрешимого языка наблюдения, независимого от всякой теории. Язык наблюдений подвержен ошибкам и коррекции. А научная теория – это «сеть концептов, связанных законами, в которой можно провести только прагматические и относительные различия между “наблюдаемым” и “теоретическим”» [Ibid.]. В противовес антиэмпиристским тенденциям в постпозитивизме, проблематизирующим лишь независимый язык наблюдения [Hesse, 1980, p. 63], Хессе утверждает, что, хотя не существует независимого языка наблюдения, это не значит, что предикаты наблюдения полностью зависимы от языка теории. Хессе критикует и ограничивает тезис о теоретической нагруженности наблюдений [Ibid., pp. 96–97]. В результате этой полемики на два фронта сетевая модель предлагает «новый» эмпиризм, опирающийся на Дюгема и Куайна и сочетающий в себе принципы корреспонденции и когерентности, которые

обычно противопоставляются. «Аспект корреспонденции требует, чтобы в любой момент времени в любом описательном языке, большая часть, но не обязательно все утверждения, сделанные на основе наблюдения, обязательно считались бы истинными, но в этот момент времени мы как правило не будем в состоянии определить, *какие из утверждений истинные*. Какие утверждения *считаются истинными*, зависит от когерентности с теоретической сетью в целом» [Hesse, 1974, p. 4].

Сильная программа имеет дело с теми же проблемами, что и сетевая модель Хессе, но в другом дисциплинарном контексте. Во-первых, в отличие от многих антиэмпиристки настроенных социологов-конструктивистов для Блурва важно сохранить принцип корреспонденции. Поэтому он отстаивает надежность чувственного восприятия. Но это не возврат к непогрешимости восприятия как аналогу языка наблюдения в логическом эмпиризме. Социальная теория знания Блурва подразумевает, что восприятия надежны *в большинстве случаев*, но не *абсолютно* и потому подвержены корректировке. Кроме того, она исходит из того, что некоторая небольшая доля невосприятия – это часть нормального процесса научного исследования. Во-вторых, сильная программа критикует исследования, необдуманно экстраполирующие тезис о теоретической нагруженности наблюдений. Да, случаи невосприятия указывают на теоретические предпосылки и потому является источником важной социологической информации. Но это не значит, что наблюдение, в основе которого лежит психологическая способность восприятия, полностью зависит от теории, опирающейся на мышление. Критики сильной программы совсем упускают из вида, что, как и сетевая модель, она – реакция на антиэмпиристки тенденции в постпозитивизме. Наконец, как и сетевая модель Хессе, сильная программа совмещает в параллелограмме сил принципы корреспонденции и когерентности. Эта теория исходит из того, что наблюдения в большинстве своем соотносятся с опытом и потому могут вести к изменению имеющихся убеждений, но новые и старые наблюдения могут быть отброшены под давлением сложившейся сети убеждений.

Сильная программа двадцать лет спустя: социология науки на основе психологии восприятия

Чтобы убедиться в устойчивости связи нового эмпиризма Хессе и сильной программы, обратимся к монографии, вышедшей спустя двадцать лет после «Знания и социальной образности» и написанной ведущими представителями подхода – Блуrom, Барри Барнсом

и Джоном Хенри [Barnes, Bloor, Henry, 1996]. Авторы начинают свою книгу с анализа роли наблюдения и опыта в науке.

Они спрашивают: о чем говорят ученые, когда говорят о наблюдениях? Их ответ следует модели Хессе, которая утверждает, что различие между наблюдаемым и ненаблюдаемым контекстуально. По Блуру, Барнсу и Хенри, когда ученые говорят о наблюдении, они «отмечают контраст между тем, что они знают... и вещами, которых они еще не знают... Их разговор [о наблюдении] носит прагматический характер в том смысле, что он используется для проведения различий, точный смысл которых варьируется от контекста к контексту. Ученый различает между тем, что может наблюдаться и тем, что нет, только в рамках конкретного исследования или конкретного эксперимента. Язык “наблюдения”, таким образом, контекстуален» [Ibid., p. 2]. Контекстуальность наблюдений говорит об их зависимости от теоретических предпосылок. Как и у Хессе, признание этого угрожает тезисом о теоретически нагруженных наблюдениях, понятом как утверждение, что наши разумы активно создают часть того, что мы воспринимаем, посредством допущений. Поэтому, как и Хессе, Блур, Барнс и Хенри критикуют этот тезис.

Авторы фокусируются на том, что сторонники тезиса (Н.Р. Хансен, Т. Кун и др.) могли считать сильным звеном своей аргументации, – ссылках на факты экспериментальной психологии: опыты Брунера и Постмана с восприятием нестандартных игральные карт, гештальт-психологический феномен переключения ракурса при наблюдении фигур типа куба Неккера, иллюзия Мюллера – Лайера. По тезису о теоретической нагруженности наблюдений, разные теории делают сам опыт мира разным. Разница между двумя наблюдателями куба Неккера подобна разнице между двумя учеными с разными теориями: у них есть разные допущения относительно данных, и эти допущения определяют то, что они видят. Блур, Барнс и Хенри переводят дискуссию на язык экспериментальной психологии, описывающей познание в терминах умственных способностей. В иерархии этих способностей когнитивные способности (мышление, верование) находятся «выше» сенсорных (восприятия и ощущения). В этих терминах вопрос о теоретической нагруженности наблюдений сводится к следующему: проникаемы ли «нижние» умственные способности (восприятие) для «верхних» (мышление) или они носят модульный характер, т.е. относительно изолированы от них [Ibid., p. 4]? Сторонники тезиса утверждают, что теория и мышление вплетены в саму ткань восприятия и наблюдения.

Чтобы разобраться в этом вопросе, Блур, Барнс и Хенри анализируют спор между экспериментальными психологами Джерри Фодором и Полом Черчлендом. Согласно Фодору, разум имеет модульную архитектуру, т.е. состоит из нескольких систем специального назначения. В свете модели Фодора, двое ученых, имеющих разные теории, обладают одинаковым аппаратом восприятия, который относительно изоли-

рован от их научных убеждений. Эта модульность восприятия позволяет им видеть одни и те же объекты, несмотря на то, что они придерживаются разных теорий. Говоря об относительной автономии системы визуального восприятия от теорий и убеждений, Фодор не отрицает, что наше восприятие зависит от предпосылок. Он лишь уточняет, что эти допущения и предпосылки ограничены и относительно зафиксированы. Допущения и предпосылки, от которых зависит восприятие, не берутся «откуда угодно из всей сети убеждений воспринимающего» [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. 7]. Поэтому Фодор выступает не против того, что модуль восприятия содержит в себе способности делать умозаключения на основе гипотез, а против идеи, что послышки этих умозаключений – научные теории наблюдателей: «Допущения или теории, встроенные в наши восприятия, исходят только из определенного набора, встроенного в сам “модуль”, или приобретенного в ходе его автономной работы и развития» [Ibid.].

В противовес Фодору Черчленд отстаивает идею того, что научные теории могут трансформировать сам опыт. «Так же, как наше визуальное восприятие явно трансформировано инструментами (такими как микроскоп), то, возможно, и само строение наших мозгов будет модифицировано новыми теориями...» [Ibid., p. 10]. Для социологии научного знания спор Фодора и Черчленда о том, в какой мере восприятие и наблюдение проницаемы для культуры и, следовательно, как далеко может зайти социологический анализ научного знания. Большая часть социологов-конструктивистов, очевидно, заняла бы сторону Черчленда. Но Блур, Барнс и Хенри, вопреки распространенному представлению о сильной программе, занимают сторону Фодора и считают, что, «если мы намерены пролить свет на сердцевины хорошо проведенных экспериментов и долговечные научные достижения, нам лучше принять автономию и стабильность чувственного восприятия» [Ibid., p. 13]. Они обосновывают свою позицию *биологическим* и *методологическим* аргументами.

В пользу модульности восприятия говорит **общий эволюционный аргумент**. Эволюция больше поощряет стабильную и относительно пассивную систему восприятия, чем активную систему восприятия, чувствительную к изменчивым убеждениям [Ibid., p. 12]. Пассивная и тенденциозная система восприятия, регистрирующая более вероятные события быстрее менее вероятных, лучше с биологической точки зрения.

Методологический аргумент. Блур, Барнс и Хенри обосновывают «психологическую отправную точку» сильной программы [Ibid., p. 13]. Но она противоречит распространенному в социологии научного знания «методологическому идеализму»²: социолог должен

² Здесь Блур, Барнс и Хенри вступают в спор с Гарри Коллинзом, лидером Батской школы социологии научного знания и автором эмпирической программы

изучать научное знание «так, как если бы природный мир, и наш опыт его, не играли существенной роли в производстве знания» [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. 13]. Вместо «методологического идеализма» авторы предлагают исходить из того, что культурные процессы в науке *не*додетерминированы психологическими стимулами, через которые материальные объекты воздействуют на наблюдателей [Ibid., p. 15]. Поэтому социология научного знания должна начинать с анализа восприятий, т.е. аспектов мира, зарегистрированных познающим, а затем переходить к изучению процессов интерпретации (описание, категоризация, маркировка, классификация) этих восприятий. При этом социальные процессы в науке действуют уже на уровне наблюдения, а не только когда мы переходим в область теории.

Чтобы показать это, Блур, Барнс и Хенри проводят аналогию между органами чувств наблюдателя и научными инструментами типа микроскопов или счетчиков Гейгера. Эта аналогия позволяет понять, что в процесс восприятия вовлечены не только биологические, но и социальные факторы. Как и научные инструменты, органы восприятия могут требовать тонкой настройки и калибровки. Сам этот процесс предполагает, что показания инструментов могут быть ошибочны. Наблюдения, полученные до того, как были установлены стандарты корректности работы инструментов, могут быть впоследствии отброшены. Например, Р.Э. Милликен не опубликовал и не проводил расчеты для части своих наблюдений в опыте по определению электрического заряда электрона, потому что они пришлось на стадию калибровки экспериментальной установки [Ibid., p. 43]. Данные восприятия, как и показания экспериментального аппарата, не непогрешимы. Тогда как мы можем считать, что показания этих инструментов составляют надежное знание? Это происходит, когда мы убеждены, что инструменты работают должным образом. А как понять, откуда берется критерий надлежащего функционирования? Сами по себе наблюдения не содержат в себе признаков корректной работы инструментов или органов восприятия. Установление таких критериев – социальный процесс. Здесь Блур, Барнс и Хенри формулируют социологический аналог принципа когерентности Хессе. Критерий надлежащего функционирования заключается в когерентности индивидуального наблюдателя или инструмента с другими релевантно подобными наблюдателями или инструментами... [Наблюдение] считается подлинным или достоверным, только если оно согласуется (*coheres*) с большинством других показаний. Индивидуальные и внутренние критерии не перевешивают коллективные.

релятивизма, который для них является выразителем «методологического идеализма». Детальный анализ этого спора, для которого здесь нет места, позволит дать более дифференцированное представление о социологии научного знания конца XX в.

Стандарт, подразумеваемый при рассмотрении наблюдения как подлинного или надежного, означает, что существует социальный критерий, который должен быть удовлетворен, прежде чем что-то может вообще *считаться* подлинным наблюдением для его пользователей [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. 16].

Таким образом, эмпиристский компонент сильной программы усилился и получил дополнительное обоснование в экспериментальной психологии. Наблюдение, опыт и восприятие помещаются в центр сильной программы и рассматриваются как социальные процессы, хотя и не исключительно социальные. На этом фоне сильная программа отделяет себя от других «идеалистических» и конструктивистских направлений в социологии научного знания.

Эмпиристская социология знания и тенденция к междисциплинарности

Сильную программу не стоит считать проекцией социологизма на область философии и эпистемологии науки. Она порывает с важными методологическими установками социологизма, опираясь на интуиции нового эмпиризма, понятого как философская психологическая теория, см. [Кузнецов, 2020, с. 112–115]. Но, несмотря на все отсылки к психологии, ее не следует считать и психологизмом – «попыткой анализировать типично социальные феномены в психологических терминах» [Bloor, 1983, p. 6]. Блур, как и Витгенштейн, критикует объяснение социальных событий и процессов через ментальные состояния индивидов. Эта критика – часть демонстрации того, что знание и знание – социальные сущности.

Несмотря на кажущуюся идентификацию с социологией, сильная программа подразумевает междисциплинарность. Она делает социологию знания открытой фактам экспериментальной психологии и биологии. Социология знания должна «согласовываться с тем, что психологи могут сказать нам о каузальных взаимодействиях между познающим и познаваемым, которые мы называем “наблюдением” или “восприятием”» [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. 15]. Междисциплинарность сильной программы – прямое следствие того, что она считает себя частью науки вообще [Bloor, 1991 [1976], pp. 13, 157]. Социология знания дополняет интерпретации науки, данные психологией и философией. «[В]место того, чтобы переоценивать силу социологического подхода, читатели поймут, что социология вносит необходимый вклад в более крупный проект по пониманию науки» [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. viii]. Зрелая версия сильной программы делает отправной точкой социологии научного знания факты психологии восприятия [Ibid., p. 13].

Тяга к междисциплинарности угадывается и в более ранних работах по сильной программе. Блур неоднократно критикует деление на дисциплины, которое не должно быть препятствием для социологии знания. Для него переход от более ранней традиции эмпиризма Дж. Локка, Д. Юма и Э. Маха к логическому эмпиризму был не выражением интеллектуального прогресса, а лишь следствием дисциплинарного разделения философии и психологии [Bloor, 1975, p. 386; Кузнецов, 2020, с. 114]. Блур хвалит Витгенштейна за то, что тот не поддался тенденции жестко разделять дисциплины логики и психологии [Bloor, 1983, p. 117]. Он упрекает философов за отказ развивать важные идеи позднего Витгенштейна, т.к. это потребовало бы от них эмпирического исследования и выхода за пределы их дисциплины. Их любознательность остановилась на границе собственной дисциплины [Ibid., p. 48]. Вообще вся первая книга Блура о Витгенштейне пронизана лейтмотивом, призывающим исследователей отбросить установку на «чистоту» и пересекать границы своих дисциплин, чтобы лучше понять природу знания [Ibid., p. 184]. Социологам не следует брезговать использованием философских интуиций, философам – гнушаться проводить эмпирические исследования, к которым ведут эти интуиции. Одним словом, сильная программа призывает к дисциплинарной кооперации.

Заключение

Главный вывод из предпринятого анализа таков: *помимо мангеймовской и витгенштейновской традиций, мы можем также говорить об эмпиристском направлении в социологии знания, выраженном в сильной программе.* Интерпретативным ключом к реконструкции структуры аргументов сильной программы служит сетевая модель Хессе. На основе этой модели разрабатывается позитивная часть сильной программы – социальная теория знания. В результате реконструкции к четырем методологическим принципам можно добавить четыре теоретических эмпиристских императива социальной теории знания сильной программы.

1. Необходимо исходить из тезиса об относительной автономии и стабильности чувственного восприятия. Эта стабильность гарантирована отчасти эволюционно, а отчасти социально: ученые устойчиво наблюдают нечто именно потому, что следуют нормам своего профессионального сообщества. Случаи невосприятия так же обусловлено и биологически (эволюция запрограммировала человека воспринимать одни сигналы с большей вероятностью, чем другие), и социально: либо из-за нарушения норм экспериментирования, либо из-за следования теоретическим предпосылкам, которые

устанавливают приоритеты в наблюдениях сигналов. Уже на уровне восприятия обнаруживается «симбиотическое действие природы и культуры» [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p. 53].

2. Антиэмпиристские или идеалистские импликации тезиса о теоретической нагруженности наблюдений следует ограничить, опираясь на модульную теорию человеческого сознания в экспериментальной психологии. Этот тезис не означает, что все наблюдения полностью зависят от теоретических предпосылок, т.к. восприятие относительно изолировано от мышления и больше влияет на него, чем наоборот.

3. Несмотря на стабильность и надежность чувственного восприятия, не следует полагать, что знание может быть конституировано только опытом и наблюдением. Знание *не*детерминировано каузальным воздействием материальных объектов на наблюдателей.

4. Необходимо сочетать принципы корреспонденции и когерентности. Согласно принципу корреспонденции, *большинство*, но не *все* наблюдения верны. Некоторая их часть (какая именно, заранее неизвестно) может быть отброшена из-за несогласованности с сетью убеждений и законов. По принципу когерентности всякое знание – это комбинация опыта и социальных факторов, и потому проверка на (не)истинность подвергаются именно эти комбинации, а не только элементы опыта или только убеждения.

Эти императивы позволяют сильной программе уйти от логического эмпиризма, не возвращаясь к классическому эмпиризму и не впадая в антиэмпиризм или идеализм. Срединный путь, которым сильная программа, как и сетевая модель Хессе, пытается пройти, ведет через новый эмпиризм, пытающийся сохранить баланс между материализмом (каузальное воздействие мира на наблюдателя) и социологизмом с помощью элементов междисциплинарности.

Теперь понятно, почему попытка Пелса преодолеть разрыв между витгенштейновской и мангеймовской традициями через обращение к новой реконструкции социологии знания Мангейма не может устроить сильную программу (если временно вынести за скобки остальные подходы в STS). Мангеймовской социологии знания почти нечего сказать о проблемах восприятия и наблюдения в науке, которые находятся в центре внимания эмпиристской социологии знания сильной программы. «Дипломатия» Пелса, формулируя новую повестку для социологии знания, пренебрегает эмпиристскими тенденциями в ней и просто не учитывает интересы и заботы сильной программы.

Эта реконструкция эмпиризма в социологии знания открывает как минимум две дальнейшие возможности для систематизации и кодификации STS. Во-первых, через соотнесение с эмпиризмом можно внутренне дифференцировать социологию научного знания и артикулировать, например, различия между сильной программой и эмпирической программой релятивизма (Г. Коллинз, Т. Пинч). Во-вторых,

можно заметить, что сильная программа – не единственный эмпиристский подход в STS. Акторно-сетевая теория – это еще одна попытка обновить исследования науки с помощью эмпиризма, только теперь не в традиции Локка, Милля и Юма, а в духе У. Джеймса и Дж. Дьюи. Нашумевший спор между Блуrom и Латуром – это спор о том, вокруг какого эмпиризма должно строиться дальнейшее развитие поля.

Список литературы

Кузнецов, 2020 – Кузнецов А.Г. Социология или психология? О концептуальной архитектуре сильной программы в социологии научного знания Дэвида Блура // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 3. С. 105–124.

Манхейм, 1994 – Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 11–277.

References

Barber, Fox, 1958 – Barber, B., Fox, R. “The Case of the Floppy-Eared Rabbits: An Instance of Serendipity Gained and Serendipity Lost”, *American Journal of Sociology*, 1958, vol. 64, no. 2, pp. 128–136.

Barnes, Bloor, Henry, 1996 – Barnes, B., Bloor, D., Henry, J. *Scientific Knowledge: A Sociological Analysis*. Chicago; London: University Of Chicago Press, 1996, 230 pp.

Bloor, 1975a – Bloor, D. “A Philosophical Approach to Science”, *Social Studies of Science*, 1975, vol. 5, no. 4. pp. 507–517.

Bloor, 1975b – Bloor, D. “Epistemology or Psychology? The Structure of Scientific Inference by Mary Hesse”, *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 1975, vol. 5, no. 4, pp. 382–395.

Bloor, 1982 – Bloor, D. “Durkheim and Mauss Revisited: Classification and the Sociology of Knowledge”, *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 1982, vol. 13, no. 4, pp. 267–297.

Bloor, 1983 – Bloor, D. *Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge*. London: Macmillan, 1983, 213 pp.

Bloor, 1987 – Bloor, D. “The Living Foundations of Mathematics”, *Social Studies of Science*, 1987, vol. 17, no. 2, pp. 337–358.

Bloor, 1991 – Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991, 203 pp.

Bloor, 1997 – Bloor, D. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London; New York: Routledge, 1997, 173 pp.

Briatte, 2007 – Briatte, F. “Entretien avec David Bloor”, *Tracés. Revue de Sciences Humaines*, 2007, vol. 12 [https://doi.org/10.4000/traces.227, accessed on 12.03.2022].

Hesse, 1974 – Hesse, M.B. *The Structure of Scientific Inference*. University of California Press, 1974, 309 pp.

Hesse, 1980 – Hesse, M.B. *Revolutions and Reconstructions in the Philosophy of Science*. Bloomington and London: Indiana University Press, 1980, 271 pp.

Kuznetsov, A.G. “Sotsiologiya ili psikhologiya? O kontseptual’noi arkhitekture sil’noi programmy v sotsiologii nauchnogo znaniya Devida Blura” [Sociology Or Psychology? On Conceptual Architecture Of David Bloor’s Strong Programme In Sociology Of Scientific Knowledge], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 3, pp. 105–124. (In Russian)

Latour, 2008 – Latour, B. *What is the Style of Matters of Concern?* Amsterdam: Koninklijke Van Gorcum, 2008, 50 pp.

Mannheim, K. “Ideologiya i utopiya” [Ideology and Utopia], in: Mannheim, K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist, 1994, pp. 11–277.

Merton, 1937 – Merton, R.K. “The Sociology of Knowledge”, *Isis*, 1937, vol. 27, no. 3, pp. 493–503.

Mills, 1963 – Mills, C.W. *Power, Politics, and People*. Oxford: Oxford University Press, 1963, 657 pp.

Pels, 1996 – Pels, D. “Karl Mannheim and the Sociology of Scientific Knowledge: Toward a New Agenda”, *Sociological Theory*, 1996, vol. 14, no. 1, pp. 30–48.

Phillips, 1974 – Phillips, D.L. “Epistemology and the Sociology of Knowledge: The Contributions of Mannheim, Mills, and Merton”, *Theory and Society*, 1974, vol. 1, no. 1, pp. 59–88.

Rudwick, 1974 – Rudwick, M. “Darwin and Glen Roy: A ‘Great Failure’ in Scientific Method?”, *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 1974, vol. 5, no. 2, pp. 97–185.